

<https://doi.org/10.17059/udf-2023-1-7>
УДК 94(47).84+314.7
JEL classification: J11

УРБАНИЗАЦИЯ НА УРАЛЕ В XX ВЕКЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Г. Е. Корнилов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия).
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Автор для корреспонденции: Г. Е. Корнилов (genakorn@mail.ru)

Аннотация. На основе государственной статистики и архивных материалов анализируется влияние урбанизации на воспроизводство населения, миграционные процессы, формирование городского населения Урала в XX в. Исходными теоретическими предпосылками стали две концепции — теории урбанистического и демографического переходов. Сделана попытка выявить региональные особенности в соотношении фаз урбанистического перехода с демографическим, миграционным и эпидемиологическим переходами, определить их взаимовлияние и взаимозависимость. Урбанизация выполнила свою историческую миссию в модернизации региона, выступила средством демографической модернизации.

Ключевые слова: население; состав населения; Урал; Свердловская область; урбанизация; демографический переход; миграционный переход; эпидемиологический переход

Urbanisation in the Ural in the 20th Century: Demographic Consequences

G. E. Kornilov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Corresponding author: G. E. Kornilov (genakorn@mail.ru)

Abstract. Based on government statistics and archival materials, the paper analyses the impact of urbanisation on population reproduction, migration processes, and the formation of urban population of the Ural in the 20th century. Theories of urban and demographic transitions were used as basic theoretical assumptions. The study attempted to identify regional features in the relationship between the phases of the urban transition and demographic, migration, and epidemiological transitions, as well as to determine their mutual influence and interdependence. Urbanisation has fulfilled its historical mission in the modernisation of the region, acting as a means of demographic modernisation.

Keywords: population; population composition; Ural; Sverdlovsk Oblast; urbanisation; demographic transition; migration transition; epidemiological transition

Введение

XX век в истории Урал стал периодом коренной трансформации демографической сферы, размещения и состава населения. Население Свердловской области выросло в 3,5 раза. Изменения были вызваны различными факторами, наиболее интенсивными из них оказались демографические, экономические, политические и социальные. Их катализатором выступила урбанизация. Понятие уровня урбанизации, или урбанизированности, трактуется по-разному. Для его оценки предлагаются комплексные показатели, учитывающие такие параметры, как доля горожан, доля крупных городов в структуре поселений, людность этих центров, площадь региона. Бытует и узкое толкование урбанизированности — как доли городского населения. В этом качестве оно

¹ © Корнилов Г. Е. Текст. 2023.

используется в статье, цель которой выявление взаимосвязи и взаимообусловленности урбанизации с демографическим, миграционным и эпидемиологическим переходами. Исследование проводилось на материалах Урала — региона, ставшего одним из лидеров урбанизации страны.

Материалы и методы

Известно, что факторы миграции, рождаемости и смертности не полностью совпадают. До сих пор не разработано теории, которая во всех взаимосвязях могла бы объяснить перемены, происходившие одновременно в численности, воспроизводстве и пространственных перемещениях населения. Изучение только рождаемости и смертности не является достаточным, так как миграции в динамике численности горожан играли важную роль. Поэтому теоретической основой стали две концепции — теория урбанизационного перехода и теория демографического перехода. Если первая теория рассматривает изменения главным образом в численности и миграции городского населения, то вторая — в его воспроизводстве, рождаемости и смертности.

В ходе подготовки статьи использован статистический материал, позволивший получить довольно разностороннее представление о тенденциях урбанизации, миграции и их влияния на городское население Урала. Использованные данные взяты из официальных публикаций или являются результатом авторской разработки первичных данных, извлеченных из государственных архивов, часть материалов опубликована автором.

Изучение истории городов в регионе, их экономической структуры, культурной роли имеет более чем вековую традицию в среде историков, географов, экономистов, демографов [1–8]. В отечественной науке, посвященной урбанизации в России, встречаются резко противоположные утверждения: от ее отрицания до признания урбанистической революции в XX в. в стране. Часть ученых подчеркивают превращение сельской России в городскую, урбанизированную страну: три четверти населения проживает в городах и поселках городского типа. Встречается и мнение о квазиурбанизации [9, с. 7–22]. Как верно заметил Г.М. Лаппо, не признать процесс урбанизации невозможно [10, с. 4]. Вместе с тем разразился спор об уровне урбанизации (доле городского населения в общем населении) [11, с. 2–21; 12, с. 171–190]. Появляются публикации, в которых безосновательно утверждается, что политическое и социально-экономическое развитие страны стало основой депопуляции и демографического кризиса, который продолжается со времен Российской империи и до настоящего времени [9]. Урбанизация шла вместе с индустриализацией, или индустриализация шла вместе с урбанизацией. Расширение территориального размещения промышленных предприятий стало главным фактором формирования и развития городов, укреплялась экономическая основа старых административных центров, рабочие поселки вырастали до статуса города, создавались новые города [13, с. 3–25].

Результаты

Урбанизация изменила демографическое поведение и демографические структуры. Можно выделить следующие основные этапы урбанизационного процесса (или перехода) на Урале.

1. В конце XIX — начале XX вв. сельское население в Пермской губернии составило 94 % и существенно превышало городское (94 и 6 % соответственно), что показала

перепись населения 1897 г.¹ Особенностью Урала (срединной его части) была связка завод — город. Появившиеся в XVIII в. поселения около заводов долго не имели статуса городов, назывались заводами. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, анализируя материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., выделил официальные и «истинные города», в которых большая часть населения «получает жизненные средства не от земледелия» и они отличаются «торгово-промышленной бойкостью». На территории современной Свердловской области он вопреки официальному статусу относил 26 поселений, из них 23 завода [14, с. 72, 168–172]. На экономические показатели при определении городского поселения обращал внимание А. Войков. Он писал, что Екатеринбургский и Верхотурский уезды Пермской губернии являются местом сосредоточения «огромных заводских селений городского типа» [15, с. 19]. С учетом заводских поселений с людностью более 1000 чел. общая численность городского населения по переписи 1897 г. составляла 670359 чел. В этом случае доля городского населения Пермской губернии поднимается до 22,4 %². Урбанизационные тенденции набирали темп, но Первая мировая и Гражданская войны не дали им проявиться в полной мере.

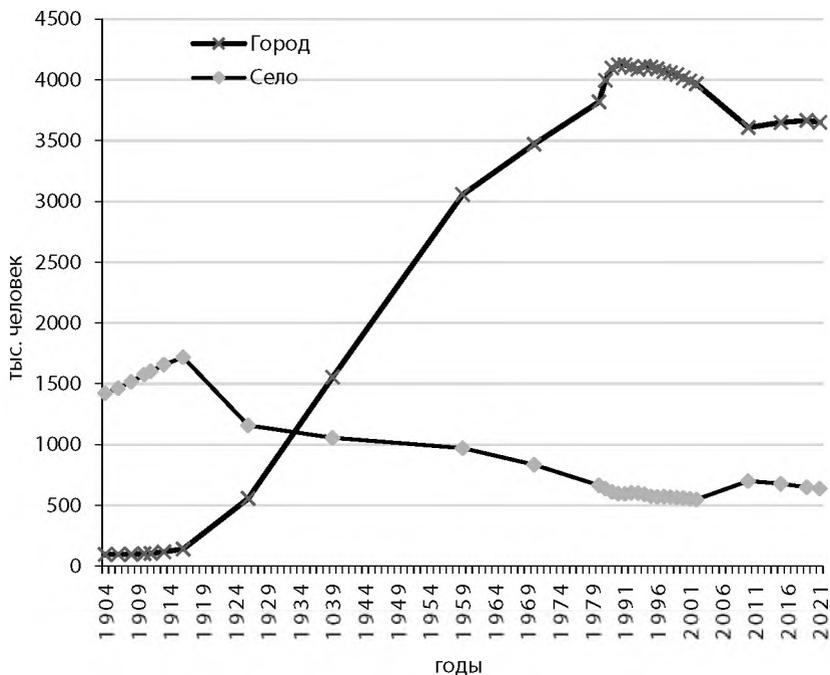
2. Второй этап — ускоренная урбанизация. Понятие «городское поселение» в течение первой четверти XX в. претерпело значительные изменения. До революции наиболее крупные заводские поселения все чаще в экономических и географических трудах относились к городским поселениям. В 1920 г. на Урале создаются статистические органы, для учета численности горожан важно было четко определить круг городских поселений. Во Всероссийской городской переписи 1923 г. к категории «городские поселения» были отнесены не только заводские поселения, но и поселения при рудниках, шахтах, железнодорожных станциях³. Однако в течение 1920-х гг. вышел целый ряд законодательных актов, которые давали четкие основания для отнесения для отнесения того или иного населенного пункта к категории городского или сельского. Вместо понятия «заводской поселок» законодательно ввело понятие «рабочий поселок», который однозначно относился к городским поселениям.⁴ Во второй половине 1920-х — 1930-е гг. в условиях экстенсивной урбанизации произошел резкий рост как абсолютной численности, так и доли городского населения, что зафиксировала перепись населения 1939 г. Основной причиной явилась проводимая в то время политика форсированной индустриализации, вызвавшая значительный приток мигрантов в города. Население Свердловской области (в современных административных границах) выросло за 1926–1939 гг. выросло в 1,5 раза. Число имевших официальный статус городов в области увеличилось с 10 в 1926 г. до 21 в 1939 г., число жителей в них выросло за это время с 286,3 тыс. до 1141,7 тыс. (в 4 раза). Доля, проживавших в этих городах, составила в 1939 г. 76,6 %, при этом 23,4 % горожан проживали в 56 рабочих поселках. В 1939 г. 27,2 % городского населения области было сосредоточено в Свердловске (423,3 тыс.), 10,3 % — в Нижнем Тагиле (159,9 тыс.). За 13 лет население Свердловска увеличилось в 3,1 раза, а Нижнего Тагила — в 4,1 раза. За пятидесятилетний рубеж перевалила численность населения Каменска-Уральского и Серова.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Санкт-Петербург, 1905. С. 113.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1904. Т. XXXI. С.149–158.

³ ГАСО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

⁴ СУ РСФСР.1924. № 73. Ст. 726.

Рис. 1. Городское и сельское население Свердловской области в XX — начале XXI в., тыс. чел. (источники: Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М., 1941. С. 102–106; Народное хозяйство Свердловской области. Стат. сб. к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1967. С. 138; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М., 1981. С. 9–11; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. М., 1986. С. 9–11; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020. Стат. сб. М., 2020. С. 324–329; Статистический ежегодник России за 1905 год (год второй). СПб., 1906. С. 49; Статистический ежегодник России за 1910 год (год седьмой). СПб., 1911. С. 43–44; Статистический ежегодник России за 1916 год (год тринадцатый). М., 1918. С. 92)

Население концентрировалось в крупных и средних городах¹. К концу 1930-х гг. был преодолён 50-процентный барьер — большая часть населения проживала в городских поселениях в Свердловской области (рис. 1). Челябинская и Молотовская (Пермская) области подходили к этому рубежу.

В военное время продолжился рост городского населения, его доля увеличивалась быстрыми темпами за счет выходцев из села и приема эвакуированных. В 1941 г. в Свердловской области было 24 города и 45 рабочих поселков, в 1945 г. 32 города и 61 поселок городского типа. 8 городов насчитывали менее 20 тыс. жителей, 17 — от 20 тыс. до 50 тыс., 5 — от 50 тыс. до 100 тыс., 2 — свыше 100 тыс. В 1,5–2 раза выросли

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. III. Москва, 1930. С. 77, 82–84; Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. Москва, 1941. С. 102–106; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1 апреля 1939 г. Свердловск, 1939. С. 14–21.

города Верхняя Салда, Ирбит, Каменск-Уральский, Карпинск, Нижний Тагил, Серов¹. В результате возросла роль средних и больших городов в аккумуляции населения [16, с. 126–133]. Доля городского населения в области увеличилась с 60,8 % в начале войны до 71,2 % к концу войны.

Такая динамика сохранялась и после войны. К моменту проведения переписи населения 1959 г. в Свердловской области число городов выросло до 39. До конца 1950-х гг. количество сельских жителей сокращалось быстрее, чем росло в городах. Урбанизированность выросла до 76,0 %.

Рисунок 1 демонстрирует продолжающийся в 1960–1980-е гг. процесс интенсивной урбанизации. Наблюдался близкий к линейному росту численности и доли городского населения (в Свердловской области 86,6 %), что зафиксировали переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг. В 1967 г. Свердловск стал первым на Урале городом-миллионником. Для интенсивной стадии, в отличие от ускоренной (или экстенсивной), присущи снижение масштабов увеличения численности и удельного веса городского населения, сокращение размеров миграционного прироста городов и опережающий рост горожан в наиболее крупных городах.

3. С начала 1990-х гг. рост численности и доля горожан стали уменьшаться, что зафиксировала перепись населения 2002 г. За 1990-е гг. все население области сократилось на 4,4 %, городское — на 4,0 %. Этот процесс продолжался до 2012 г. и вновь начался в 2017 г. Перепись 2020 г. зафиксировала 4276,5 тыс. жителей Свердловской области, из них 3668,3 тыс. горожан (85,77 %), сосредоточенных в 47 городах и 26 поселках городского типа (по состоянию на 1 октября 2021 г.). С 2002 г. по 2021 г. население области сократилось на 4,9 %, причем городское сократилось на 7,0 %, а сельское население, наоборот, выросло на 12,2 % [17, с. 68–73]². При сокращении горожан в Свердловской области население Екатеринбурга выросло до 1,5 млн чел.³. Это свидетельствует о том, что крупногородская стадия (или третий этап) урбанизации не завершена [3, с. 518].

Теория урбанизационного перехода рассматривает изменения главным образом в численности и росте удельного веса и миграции городского населения. Особая роль в демографическом развитии Урала принадлежит миграции как самому управляемому среди демографических процессов, игравшую особую роль в демографическом развитии Урала. На протяжении XX в. миграция являлась важнейшим фактором демографического развития, формирования городского населения. На Урале, занимавшем выгодное географическое положение между востоком и западом, миграционный переход проявился особым образом. До середины 1920-х гг. в миграции доминировал социально-политический фактор (первый этап); затем, до конца 1950-х гг. миграционный прирост осуществлялся под влиянием индустриализации, коллективизации и урбанизации, когда основным видом миграционных перемещений было движение из села в город (второй этап). На третьем этапе, до начала

¹Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1967 года. Свердловск, 1968. С. 6–13.

²Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Свердловской области (по состоянию на 1 октября 2021 года). Т. 1. Численность и размещение населения Свердловской области. Екатеринбург: Управление федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, 2022. https://sverdl.gks.ru/storage/mediabank/том%201_сайт.pdf.

³Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2021 году. <https://екатеринбург.рф/file/9dff2247df047a9988ab5b9621dffcf0>.

1990-х гг., наблюдалось ослабление потока село — город, а миграция приобрела ступенчатый характер (село — малый город — средний город и т. д.). Наконец, с начала 1990-х гг. (четвертый этап) имеет место рост возвратной миграции, доминирует поток «город — город». Примечательно, что на всех стадиях сохранялась миграционная привлекательность крупных городов. Сальдо миграции по г. Свердловску позволяет охарактеризовать результативность территориального перераспределения населения, ее роль в формировании населения. Если 1927 г. естественный прирост дал 13 % прироста горожан по сравнению с 1926 г., то миграция — 87, перед Великой Отечественной войной это соотношение составляло 49 и 51; в 1950 г. — 32 и 68, в 1964 г. — 34 и 664 в 1970-е гг. — 37 и 63 и, наконец, в 1980 г. это соотношение уравнилось: 50 на 50 % [18, с. 198–226; 19, с. 381; 20, с. 161]. В 1920-е и до начала 1980-х гг. основным источником формирования городского населения региона являлась миграция, первые два этапа миграционного перехода хронологически полностью совпадали с урбанизационным переходом. Этапы демографического перехода, в свою очередь, хронологически следовали после миграционных этапов. Переселения на новое место жительства связаны с откладыванием рождения детей и ориентациями на более низкие нормы детности.

Миграция влияла и на урбанизационные процессы, поскольку переселенцы размещались в первую очередь в городах. До 1980-х гг. она являлась основным источником роста городского населения региона. В совокупности приезд мигрантов, сокращение рождаемости, урбанизированный уклад жизни обусловили изменения ценности детей в семье. Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала, что на территории Свердловской области население предпочитало модель двухдетной семьи [7, с. 62]. В конце 1980-х и в 1990-е гг. наметилась тенденция однодетности. Эволюция семьи преломлялась сквозь призму исторических и демографических явлений и действия миграционных процессов [21, с. 58–70].

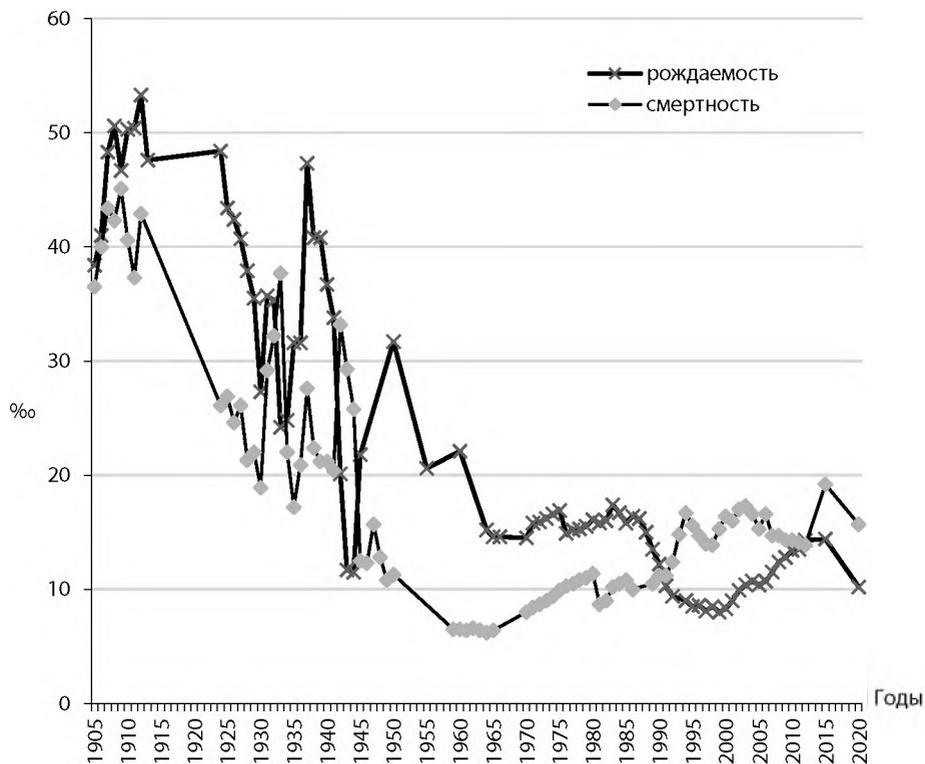
Урбанизация XX в. оказалась основным фактором роста населения, триггером трансформации демографических структур и демографического поведения. Кардинальные изменения охватили, в первую очередь, процессы воспроизводства населения: рождаемость, смертность, продолжительность жизни горожан. На первом этапе осуществлялся переход от традиционного к современному типу репродуктивного поведения, в регионе он занял практически полвека. Его ход протекал очень бурно и сопровождался огромными потерями российского населения [6, с 5–21; 22, с. 38]. Поскольку Россия — территориально обширная страна, особенности ее демографической модернизации несли ярко выраженную региональную составляющую. В этой связи изучение процесса демографической модернизации невозможно без учета его специфики в различных районах. Демографическая модернизация, ядром которой являлся демографический переход, представлена как органическая составная часть модернизации традиционного общества. Следствием этих модификаций стали принципиальные изменения параметров смертности, рождаемости, брачности, численности и структуры населения. Они являлись важнейшим итогом промышленной революции, индустриализации, урбанизации, интенсивных миграций и формирования нового образа жизни как городского, так и сельского населения. На Урале отражались все векторы общероссийского процесса динамики народонаселения. Вместе с тем, динамика демографической модернизации Урала обладала целым рядом специфических характеристик. Они вытекали как из особенностей экономического и социокультурного развития региона, так и из его географического положения.

В конце XIX в. на Урале, как, впрочем, и во всей Российской империи, безраздельно доминировала аграрная экономика. Это, в свою очередь, явилось фундаментом абсолютного численного преобладания сельского населения. Процесс урбанизации на территории региона находился в самом зачаточном состоянии. Абсолютное количественное преобладание сельского населения порождало устоявшуюся патриархальность и отвечающий ей традиционный тип воспроизводства населения. Для него были характерны, прежде всего, очень высокие показатели рождаемости и очень высокие показатели смертности. Рождаемость в Пермской губернии в 1896–1901 гг. достигала 55,9 ‰, в 1914 г. она опустилась до 50,4 ‰¹. Средний показатель рождаемости городского населения Пермской губернии за 1897–1913 гг. составлял 43,3 ‰, что, согласно шкале Б.Ц. Урланиса, соответствовало очень высокому уровню. В то же время рождаемость в городах Пермской губернии была ниже, нежели среди уездного населения, в составе которого преобладало сельское население (58,3 ‰ за 1897–1915 гг.). Однако существовали различия и в сезонной динамике рождаемости городского и уездного населения. В городах существенно выше была доля внебрачных детей.

В этих обстоятельствах высокая рождаемость компенсировала высокую смертность, что обеспечивало хотя бы минимальные показатели естественного прироста. Рефлексией демографической подсистемы общества на такую демографическую ситуацию было появление особых социально-демографических механизмов. Их действие направлялось на достижение максимального числа детей в семье. К такого рода механизмам относилась ранняя и всеобщая брачность, высокая многодетность, строгое вето на средства контрацепции, безусловное осуждение аборт и т. д. Таким образом, на Урале, как, впрочем, и во всей стране, существовал явно нерациональный тип воспроизводства населения [22, с. 36–42; 23, с. 140–153].

Низкая демографическая эффективность традиционного типа воспроизводства заключалась в том, что для достижения относительно невысоких величин естественного прироста требовалось колоссальное перенапряжение репродуктивных усилий, особенно женщин. На Урале, как и в России, в конце XIX в. — начале XX в. остро стоял вопрос о коренной модернизации процесса воспроизводства населения. На Урале к этому времени почти созрели экономические, политические, социокультурные и демографические предпосылки для демографического перехода. Но демографический переход так и не развернулся в полную силу. Первая мировая война и последовавшие за ней революция и Гражданская война резко обострили демографическую ситуацию. В таких условиях демографическая модернизация была немыслима. Едва начавшийся вялый процесс складывания предпосылок для развертывания демографического перехода прервался. Выход из аномального состояния демографической подсистемы первоначально слабо обозначился только после нормализации политического, социально-экономического и культурного положения на основе новой экономической политики. Ближе к середине 1920-х гг. демографическая ситуация стабилизировалась. С этого времени установилось заметное снижение рождаемости в городских поселениях Урала с 40 до 29 ‰. Резкое падение общего коэффициента рождаемости происходило в экстремальных условиях голода 1932–1934 гг. (20 ‰) и в военных условиях в 1942–1944 гг. (11–12 ‰). Тем не менее еще длительное время ее уровень был довольно высоким. Второе заметное и более быстрое ее снижение произошло в 1950–1955 гг. с 31,7 до 20,6 ‰. В 1970–1980-е гг. наступила стабилизация рождаемости на уровне

¹ Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый). Вып. 1. Москва, 1916. С. 92.

Рис. 2. Рождаемость и смертность городского населения Свердловской области в XX — начале XXI в., % (источники: ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 30. Л. 2; Д. 33. Л. 1–15; Д. 170. Л. 52–72. Д. 171. Л. 1; стат. сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области «Свердловская область в 2005–2009 гг.», в 2006–2010, 2007–2011, 2008–2012, 2009–2013, 2010–2014, 2011–2015, 2012–2016, 2013–2017, 2014–2018, 2015–2019 гг.; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 9, 18, 24; Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века: сб. Свердловского областного комитета государственной статистики. Екатеринбург, 1999; Свердловская область в 1990–1994 годах. Сб. / Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург, 1995; Свердловская область в 1993–1997 годах. Сб. / Свердловский областной комитет государственной статистики. Екатеринбург, 1998; Свердловская область в 2006–2010 гг.; Свердловская область в 2010–2014 гг. http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/publications/official_publications/electronic_versions/archive/ (дата обращения 10.10.2016); Статистический ежегодник России. 1910 (год седьмой). СПб., 1911. С. 598–599, 601; Статистический ежегодник России. 1913 (год десятый). СПб., 1914. Отд. II. С. 1, 2; Статистический ежегодник России. 1916 (год тринадцатый). Вып. 1. М., 1918. С. 92; *Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1034 гг.* Т. 1. Сб. док. и мат-лов / Отв. ред. Г. Е. Корнилов. Оренбург, 2005. С. 257–258)

14–16 %о. (рис. 2). Снижение рождаемости в эти годы, особенно в 1960-е гг., было связано с деформацией половозрастной структуры, связанной с Великой Отечественной войной, а также со вступлением в наиболее фертильный возраст женщин 20–29 лет. Эти данные свидетельствуют, что первая фаза демографического перехода на Урале

периодически прерывалась внешними по отношению к демографической сфере факторами. Процессы урбанизации в регионе существенно опережали демографическую транзицию.

Модернизация смертности предполагала, прежде всего, установление контроля над смертностью экзогенного происхождения. Смертность такого типа непосредственно зависела от условий жизни уральцев, развития здравоохранения и санитарии. Сила внешних воздействий на здоровье горожан росла быстрее, чем способность противостоять этим воздействиям. Конец 1920-х гг. отмечен попыткой развернуть процесс демографической модернизации: снижалась инфекционная заболеваемость, развивались здравоохранение и санитария, повышался уровень материального потребления, что свидетельствовало о начале эпидемиологического перехода. Общий коэффициент смертности упал в городских поселениях Урала с более 40 ‰ в начале 1900-х до 18,9 ‰ в 1930 г. Однако поведение смертности не достигло стабильности (в условиях разразившегося голода ее уровень поднялся до 37,7 ‰ в 1933 г., затем упал до 17,2 ‰ в 1935 г. вновь вырос до 27,6 ‰, к концу 1930-х гг. остановился на уровне 20–21 ‰. В условиях Великой Отечественной войны смертность в городах существенно увеличилась (1942 г. — 33,2 ‰) и вновь, как и в 1933 г., превысила рождаемость. В послевоенное время, начиная с 1946 г., смертность городского населения неуклонно сокращалась, пик сокращения зафиксирован в 1964 г. на уровне 6,2 ‰. В 1970–1980-е гг. она держалась на 8–11 ‰. (рис. 2). Конец 1940-х — 1960-е гг. характеризовались быстрым и устойчивым процессом сокращения смертности. Произошла структурная перестройка основных причин смерти горожан, преобладали болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, росла смертность от несчастных случаев и травматизма, особенно у мужчин трудоспособного возраста [24, с. 46–47]. Сокращение смертности протекало параллельно с сокращением рождаемости. Но это сокращение было очень медленным. Это был один из самых благополучных периодов демографической истории нашей страны. Очевидно, что в середине XX в. страна и люди изменились настолько, что созрели все предпосылки к развертыванию процесса демографической модернизации в его форсированном варианте. В первую очередь это выразилось в резком сокращении смертности горожан и смене репродуктивного поведения.

Идея В.Б. Жиромской о прерывности демографического перехода в СССР [25, с. 68–69], поддержанная В.А. Исуповым [22, с. 36–42], подтверждается на материалах Урала, когда в конце 1920-х — начале 1930-х гг. развернувшиеся в полную силу процессы форсированной индустриализации и насильственной коллективизации свергли демографическую подсистему страны в состояние прострации, которая в ходе голода 1932–1933 гг. переросла в катастрофу и охватила городское население региона. В этих условиях застрельщиками нового репродуктивного поведения, связанного с установлением контроля над рождаемостью, стали жители крупных городов, главным образом административных, экономических и культурных центров — Свердловска, Нижнего Тагила, Перми, Челябинска, Магнитогорска. Важный шаг на пути демографической модернизации был сделан в годы Великой Отечественной войны в условиях резкого роста городского населения [26, с. 339–355]. Этот период характеризуется невиданным ранее по своим темпам сокращением рождаемости. Сокращение рождаемости в ходе войны вызывалось не эндогенными факторами совершенствования демографической подсистемы и демографической модернизации, но внешними ситуационными факторами, главным образом аномальными нарушениями

половозрастной структуры населения. Признаки демографической модернизации в военные годы необходимо искать главным образом в изменениях смертности [27, с. 94–107]. Анализ показывает, что в 1942–1945 гг. произошла глубокая перестройка структуры причин смерти. Она выразилась в сокращении смертей от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и заболеваний органов дыхания. Сокращение смертности, которое фиксировала государственная статистика, явилось следствием не улучшения качества жизни, а адаптации населения к существованию в условиях военного времени. Демографические процессы военных лет представляют собой складывание предпосылок в виде трансформации причин смертности и их половозрастных характеристик, крайне необходимых для последующей демографической модернизации.

Немаловажную роль в развитии процессов демографической модернизации играла урбанизация Урала, развивавшаяся ускоренными темпами. В уральских городах формировался полноценный городской образ жизни, действовала советская система здравоохранения (доступная всем группам населения, бесплатная). Это означало, что городское население являлось застрельщиком нового репродуктивного и брачного поведения. Уровень рождаемости в городах был ниже, чем в сельской местности. Следовательно, чем выше был удельный вес горожан в составе населения, тем интенсивнее протекали процессы демографической модернизации. Нельзя не отметить, что к концу 1950-х гг. в регионе сформировались крупные города с населением, превышавшим 500 тыс. жителей, такие как Свердловск, Пермь, Челябинск. Многие уральские города превысили или вплотную приблизились к весьма важной по численности населения отметке 300 тыс. жителей: Нижний Тагил, Магнитогорск. Жители этих городов являлись основными застрельщиками нового, глубоко и сильно модернизированного демографического поведения. Воспроизводство населения стало более рациональным, не требовавшим «растранжиривания» людских ресурсов и крайнего перенапряжения всей демографической подсистемы общества. Можно говорить о завершении к 1960-м гг. первой фазы демографического перехода (или первом демографическом переходе), о совпадении с окончанием первого этапа урбанизации.

Следующий этап демографической трансформации (1960-е – начало 1990-х гг.) оказался периодом благоприятного демографического развития. Он характеризовался понижением рождаемости на фоне низкой смертности, ростом показателей продолжительности жизни (рис. 2). Глубокие изменения всей демографической подсистемы общества явились результатом кардинальных изменений в матримониальном, прокреативном, жизнеохранительном, миграционном поведении людей. Снижение смертности было связано с завершением в 1960-е гг. эпидемиологического перехода. Улучшение санитарных условий и повышение качества медицинского обслуживания привели к резкому сокращению смертности населения от инфекционных заболеваний, туберкулеза. Экзогенные причины смерти ушли на задний план. На первое место в причинах смерти в городе вышли сердечно-сосудистые болезни, на второе – злокачественные новообразования, затем – несчастные случаи, отравления, травмы. Трансформация смертности включала борьбу с младенческой смертностью на Урале. Начавшийся демографический переход в первой трети XX в. обусловил почти двукратное ее сокращение. За первую половину XX в. младенческая смертность на Урале сократилась более чем в 4 раза. (с 440 ‰ в конце XIX в. до 72 ‰ в 1950-е гг.) [28, с. 82].

Изменение поведения смертности, являвшееся основным содержанием первой стадии демографического перехода, фиксировалось сначала преимущественно среди городского населения, а затем медленно захватывало и сельское население региона.

Уменьшение младенческой смертности оказалось основным компонентом сокращения смертности. Основными причинами ее снижения на Урале, как и по всей стране, стали развитие системы здравоохранения, внедрение новых медицинских препаратов, рост числа медицинских кадров (т. е. развитие системы, направленной на борьбу с причинами экзогенного характера), а также изменение характера ухода за детьми, рост гигиенической культуры, т. е. все то, что определяется общим культурным и материальным уровнем семьи. В целом трансформация смертности привела к увеличению средней продолжительности жизни. Это оказалось возможным благодаря внедрению в практику здравоохранения достижений медицинской науки, а также социальных мероприятий по улучшению условий труда и быта граждан. На второй фазе демографического перехода коэффициент рождаемости приблизился к уровню простого воспроизводства населения, а коэффициент смертности, хотя и испытал некоторое повышение, тем не менее оставался ниже уровня рождаемости.

Неблагоприятные исторические факторы, запечатленные в возрастной структуре населения 1989 г., в сочетании с ухудшившейся социально-экономической обстановкой в полной мере сказались на трендах рождаемости и смертности. Рождаемость резко упала, что в условиях повышающейся смертности привело к возникновению с 1991 г. депопуляционной тенденции в городах. Возврат к более высокой рождаемости конца 1930-х или хотя бы начала 1950-х гг. был маловероятен.

О незавершенности модернизации смертности свидетельствовали такие признаки, как высокий уровень общего коэффициента смертности (в 1990-е и начале 2000 гг. он колебался в диапазоне 13–19 ‰), значительный удельный вес среди умерших лиц трудоспособного возраста, а также сохранение элементов традиционной структуры причин смерти, в частности сравнительно высокой доли смертности от болезней органов дыхания. С 1991 г. по 2021 г. сохранялась убыль населения региона. Все население Свердловской области сократилось на 430,3 тыс. (на 9,1 ‰), при этом горожан стало меньше на 473,3 тыс. (на 11,5 ‰), количество селян увеличилось на 49,2 тыс. (на 7,3 ‰) (см. рис. 1).

Заключение

Урбанизация выступила средством модернизации страны, в том числе ее демографической составляющей. Ретроспективный анализ показывает, что XX в. урбанизация в регионе выступила триггером миграционных потоков и трансформации демографического развития. Вступление региона в длительную фазу депопуляции, начавшуюся в начале 1990-х гг. и продолжающуюся поныне, позволяет сделать вывод о необходимости существенной корректировки современной демографической политики.

Список источников

[1] Крупный город: концептуальные подходы к проблемам занятости населения / Е. Г. Анимиаца, Н. Ю. Власова, Я. П. Силин, Е. М. Кочкина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1997.

[2] Закрытые атомные города России (особенности развития и управления) / Е. Г. Анимиаца, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина, Н. В. Новикова, В. Н. Софронов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2002.

[3] Анимиаца Е. Г., Дворядкина Е. Б., Некрасов В. Г. Горнозаводские города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург, 2004. 136 с.

- [4] *Анимица Е. Г., Волкова Н. Ю.* Трансформации урбанистической структуры Урала // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 518-523.
- [5] *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 364 с.
- [6] Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А. Г. Вишневого М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- [7] *Кузьмин А. И.* Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 237 с.
- [8] *Оруджиева А. Г.* Развитие городов Свердловской области в XX — начале XXI веков (краткий исторический экскурс) // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 4(9). С. 59-72.
- [9] *Григоренко Я. А., Резер Т. М.* Демографические кризисы в Свердловской области: социально-экономические аспекты // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. «022. № 3(7). <https://eee-region.ru/article/7109>.
- [10] *Ланно Г. М.* Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004. № 1(3). С. 3-12.
- [11] *Вишневецкий А. Г.* Демографическая модернизация России и её противоречия // Мир России. 1999. № 4. С. 2-21.
- [12] *Нефедова Т. Г.* Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Научный сборник. Отв. редактор А. Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 171-190.
- [13] *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Известия Российского географического общества. 2020. Т. 151. № 5. С. 3-25.
- [14] *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 72, 168-172.
- [15] *Войков А.* Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Известия Императорского русского географического общества. 1909. Т. XLV. Вып. 1.
- [16] *Константинов О. А.* Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные записки ЛФЭИ. Вып. 12. Л., 1956. С. 126-133.
- [17] *Чернядев А. П.* Всероссийская перепись населения 2002 г. и ее основные итоги по Свердловской области // Известия Уральского государственного экономического университета. 2004. № 9. С. 68-73.
- [18] *Корнилов Г. Е.* Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке // Демографическая история России и регионов: сб. науч. трудов. Вып. II: Миграции населения / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. С. 198-226.
- [19] *Комар И. В.* Урал. Экономико-географическая характеристика, М.: Изд-во АН СССР, 1959. 386 с.
- [20] *Лебедев Ф.* Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 8-9. С. 158-165.
- [21] *Бондарская Г. А.* Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. 1999. № 4. 58-70.
- [22] *Исупов В. А.* Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 2. С. 36-42.
- [23] *Исупов В. А.* История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900-1950-е годы) // Исторический курьер. 2020. № 1(9). С. 140-153.

[24] Курсаков Н. К., Бояришинова Н. П. Здоровье населения города Свердловска. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1978. 140 с.

[25] Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Куличиково поле, 2012. 320 с.

[26] Корнилов Г. Е. Влияние Великой Отечественной войны на воспроизводство населения (на материалах Молотовской области) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 339-355.

[27] Корнилов Г. Е. Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 94-107.

[28] Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3(44). С. 80-89.

References

[1] Large city: conceptual approaches to employment problems / E. G. Animitsa, N. Yu. Vlasova, Ya. P. Silin, E. M. Kochkina. Ekaterinburg, 1997.

[2] Closed nuclear cities of Russia (features of development and management) / E. G. Animitsa, N. Yu. Vlasova, E. B. Dvoryadkina, N. V. Novikova, V. N. Sofronov. Ekaterinburg, 2002.

[3] Animitsa E. G., Dvoryadkina E. B., Nekrasov V. G. Mining towns: scientific and theoretical aspects of research. Ekaterinburg, 2004.

[4] Animitsa E. G., Volkova N. Yu. Transformations of the urban structure of the Urals // Trends in the Spatial Development of Modern Russia and Priorities of its Regulation. Tyumen: TSU-Press, 2022. P. 518-523.

[5] Animitsa E. G. Cities of the Middle Urals. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House, 1975. 364 p.

[6] Demographic modernization of Russia. 1900-2000 / ed. by A. G. Vishnevsky M.: New Publishing House, 2006. 608 p.

[7] Kuzmin A. I. Family in the Urals (demographic aspects of choosing a life path). Ekaterinburg: UIF «Science», 1993. 237 p.

[8] Orudzieva A. G. The development of the cities of the Sverdlovsk region in the XX — early XXI centuries (a brief historical digression) // Municipality: economics and management. 2014. No. 4(9). P. 59-72.

[9] Grigorenko Ya. A., Rezer T. M. Demographic Crises in the Sverdlovsk Region: Social and Economic Aspects // Regional economics and management: electronic scientific journal. 2022. No. 3(7). <https://eee-region.ru/article/7109>

[10] Lappo G. M. Features of Russian urbanization and their reflection in the urban structure of the country // Regional studies. 2004. No. 1(3). P. 3-12.

[11] Vishnevsky A. G. Demographic modernization of Russia and its contradictions // The Universe of Russia. 1999. No. 4. P. 2-21.

[12] Nefedova T. G. Large, small, medium city and village in Russia // Geography, urban planning, architecture: synthesis of sciences and practices. Scientific Sat. / ed. by A. G. Makhrov. Smolensk: Oikumena, 2013. P. 171-190.

[13] Nefedova T. G., Treiyvish A. I. Middle Urals meridian: space polarization in the old industrial region // Proceedings of the Russian Geographical Society. 2020. Vol. 151, No. 5. P. 3-25.

[14] Semenov-Tyan-Shansky V. P. City and village in European Russia: an essay on economic geography. St. Petersburg, 1910. P. 72, 168-172.

[15] Voikov A. The population of the villages of European Russia and Western Siberia // Izvestiya Imperial Russian Geographical Society. 1909. Vol. XLV. Issue 1.

- [16] *Konstantinov O. A.* New urban settlements of the USSR during the Great Patriotic War // Scientific notes of the LFEI. Vol. 12. L., 1956. P. 126-133.
- [17] *Chernyadev A. P.* The All-Russian Population Census of 2002 and its main results in the Sverdlovsk region // Proceedings of the Ural State University of Economics. 2004. No. 9. P. 68-73.
- [18] *Kornilov G. E.* The Eastern turn: migration of the population to the Urals and from the Urals in the XX century // Demographic history of Russia and regions: collection of scientific works. Issue II: Population migration / ed. by G. E. Kornilov. Ekaterinburg: IIA UrO RAS, 2018. P. 198-226.
- [19] *Komar I. V.* Ural. Economic and geographical characteristics, Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 386 p.
- [20] *Lebedev F.* Mechanical movement of the population of the cities of the Urals // The Economy of the Urals. 1928. No. 8-9. P. 158-165.
- [21] *Bondarskaya G. A.* Changing demographic behavior of Russian families over 100 years // The Universe of Russia. 1999. No. 4. P. 58-70.
- [22] *Isupov V. A.* Western Siberia in the context of demographic modernization: the first half of the twentieth century // Humanitarian sciences in Siberia. 2013. No. 2. P. 36-42.
- [23] *Isupov V. A.* History of Western Siberia in the Context of Demographic Modernization (1900s-1950s) // Historical Courier. 2020. No. 1(9). P. 140-153.
- [24] *Kursakov N. K., Boyarshinova N. P.* Health of the population of the city of Sverdlovsk. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky book Publishing house, 1978. 140 p.
- [25] *Zhiromskaya V. B.* The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century. Moscow: Kuchkovo pole, 2012. 320 p.
- [26] *Kornilov G. E.* The Impact of the Great Patriotic War on Population Reproduction (Basing on the. Materials of the Molotov Region) // Modern History of Russia. 2021. Vol. 11, No. 2. P. 339-355.
- [27] *Kornilov G. E.* The population of Sverdlovsk in the war years // Russian History. 2010. No. 4. P. 94-107.
- [28] *Kornilov G. E.* Evolution of infant mortality in the Ural during the first half of the 20th century // Ural Historical Journal. 2014. No. 3(44). P. 80-89.

Информация об авторах

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий центром экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>. (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

About the authors

Gennady E. Kornilov — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439> (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: genakorn@mail.ru).